

Идут девчушки...

Голос

Я вышел в ночь, душе моей нейметя,
Кричу надрывно в звездный небосвод:
— Свобода без усилий не дается,
Свобода слабаков не признает!

И чей-то голос мне ответил четко:
(Он шел не с неба, но издалека.)
— Вы все давно живете за решеткой,
И вами правит сила кулака.

Чего орешь, как бомж от безнадёги?
Проспись, поэт, ступай себе домой.
Свободен тот, кто пребывает в Боге,
А не живет одной лишь головой.

Я промолчал, напился у колодца,
Но напоследок прокричал во тьму:

— Свободен тот, кому она дается,
А прочим надо улучшать тюрьму!

Молодой

Все пустил на распыл,
Ноль в итоговой сумме.
Жилы рвал, а не жил
И со стоном же умер.

Откричался во мгле
В наркотической ломке.
А мечтал на земле
Продолжаться в потомках.

Но никак не успел
Показать себя в деле,
Да и не было дел —
Миражи одолели.

Нет вокруг него птиц —
Раскрошить хлеб забыли...
И лежит, словно шприц,
Тень креста на могиле.

Выше некуда

Смелеет птица и добрее зверь —
Нашла на тварь какая-то проруха:
В толпе дичает человек теперь,
Живет остатками отеческого духа.

Манит его чужой заманный путь —
Ключи от счастья звякают на блюде...
А язвы мира, может, как-нибудь
В глобальном царстве сами рассосутся.

С прорухой этой горе обретешь:
Грядущий лад в России понимали...

В эпохе прошлой поднималась ложь,
А в этой — забралась на Гималаи!

Взгляд

Вторичны все на свете вещи,
Как и шедевров сказочные сны.
Первично — совершенство женщин,
С рожденья не имеющих цены.

Летят, летят снежинки густо,
Печален их тожественный полет.
Жизнь коротка небесного искусства,
Застывших форм оно не признает.

Идут девчушки, и бредут старушки...
Какой контраст! А дух сомненья влез:
— Как посмотреть: от пяток до макушек?
Иль от макушек их и до небес?